

Иванова Ирина Сергеевна

КОНЦЕПТ "ЧЕЛОВЕК" В РОМАНЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА "ОБИТЕЛЬ"

В статье предпринята попытка анализа концепта "человек" в романе З. Прилепина "Обитель". В работе основное внимание уделяется собственно лексеме "человек", анализируются ядро и основные параметризованные оппозиции данного концепта в указанном литературном произведении. В результате анализа делается вывод о том, что ядром концепта "человек" в романе "Обитель" является душа, а такие понятия, как "разум", "воля", "речь", "способность к труду", выходят за рамки ядра на периферию данного концепта. А главным аспектом параметризации человека становятся его взаимоотношения с Миром (Богом).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 3. С. 90-96. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Бернадская Ю. С.** Текст в рекламе: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 288 с.
2. **Вольф Е. М.** Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
3. **Искусство потребления.** 2006. № 8.
4. **Искусство потребления.** 2010. № 3.
5. **Каримова О. И.** Гендерный и лингвокультурный аспекты социальной рекламной коммуникации (экспериментальное исследование): автореф. дисс. ... к. филол. н. Ульяновск, 2006. 22 с.
6. **Кохтев Н. Н.** Стилистика рекламы. М., 1991. 91 с.
7. **Я покупаю.** 2007. № 7. 97 с.
8. **Cosmopolitan.** 2007. № 4. 232 с.
9. **Elle.** 2015. № 6. 166 с.
10. **Gloria.** 2006. № 11. 86 с.
11. **Longman Dictionaries Online** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.longmandictionariesonline.com/> (дата обращения: 15.08.2016).

ENGLISH BORROWINGS IN THE PRINTED ADVERTISING TEXTS: PRAGMATIC ASPECT

Dedyukhin Andrei Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
Dedyukhina Anna Gennad'evna, Ph. D. in Philology
Kuban State University
andrewdedukhin@gmail.com; anna_dedyukhina@mail.ru

The article describes pragmatic aspect of English borrowings in the printed advertising texts. The authors conclude that English borrowings used in the printed advertising texts perform three key functions: firstly, they form human information environment; secondly, they contain evaluative units to create positive or, very seldom, negative effect; thirdly, they attract attention to promote a product or service.

Key words and phrases: English borrowings; printed advertising texts; information source; sphere of usage; evaluation; attracting attention.

УДК 8; 81.42

В статье предпринята попытка анализа концепта «человек» в романе З. Прилепина «Обитель». В работе основное внимание уделяется собственно лексеме «человек», анализируются ядро и основные параметризованные оппозиции данного концепта в указанном литературном произведении. В результате анализа делается вывод о том, что ядром концепта «человек» в романе «Обитель» является душа, а такие понятия, как «разум», «воля», «речь», «способность к труду», выходят за рамки ядра на периферию данного концепта. А главным аспектом параметризации человека становятся его взаимоотношения с Миром (Богом).

Ключевые слова и фразы: З. Прилепин; «Обитель»; концепт; ядро концепта; параметризация концепта «человек»; концептуальный анализ; художественный текст.

Иванова Ирина Сергеевна, к. филол. н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
Iveera1@yandex.ru

КОНЦЕПТ «ЧЕЛОВЕК» В РОМАНЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»

Человек на протяжении всей истории человечества находится в центре внимания философов, художников, писателей, ученых различных отраслей знания. До сих пор возникают и развиваются все новые и новые аспекты изучения человека и его деятельности. Именно поэтому концепт «человек» представляет собой центр всякой культуры, центр любого художественного произведения, содержание данного концепта, в силу феноменальности и уникальности самого человека, безгранично.

Следует отметить, что до настоящего времени не сформировалось единого универсального определения термина «концепт». Это обусловлено тем, что данный термин включен в понятийный аппарат и философии, и психологии, и социологии, и культурологии, и лингвистики. И даже внутри одной научной отрасли, такой как лингвистика, не существует единого его толкования, так как язык, языковые явления, структурные единицы рассматриваются с разных точек зрения и в разных аспектах. Так, «Краткий словарь когнитивных терминов» определяет концепт как «единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [5, с. 90].

Ю. С. Степанов в книге «Константы: Словарь русской культуры» утверждает, что, с одной стороны, концепт представляет собой «сгусток культуры в сознании человека», а с другой стороны, концепт – это средство, при помощи которого рядовой человек сам входит в культуру [11, с. 43].

В. А. Маслова, проанализировав различные подходы к пониманию концепта, сложившиеся к настоящему времени, дает обобщенное определение концепта: «это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры». По ее мнению, концепт «маркирует» этническую языковую картину мира, представляет этническое мировоззрение и одновременно с этим является «квантом знания», который отражает человеческую деятельность. Он возникает при взаимодействии словарного значения слова и личного опыта человека или социума, при этом концепту присущи эмоциональность, экспрессивность, оценочность [6, с. 47].

Концепты имеют сложную структуру, большинством исследователей в строении концепта выделяются ядро и периферия. Словарные значения лексемы представляют собой ядро концепта, так как именно они дают представление о его базовом содержании, которое отражено в сознании всех носителей языка. Периферия концепта включает субъективный опыт индивида или группы лиц, объединенных по каким либо признакам, параметрам, категориям, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации – все то, что обуславливается национальной культурой, социальным статусом, психическими и психологическими особенностями.

Приступая к рассмотрению концепта *человек* в романе Захара Прилепина «Обитель», путем анализа словарных значений данной лексемы определим ядро интересующего нас концепта.

По данным сайта «Национальная энциклопедическая служба» [7], в различных словарях и энциклопедиях обнаружено не менее 28 толкований лексемы «человек», которые делятся 4 группы: 1) человек является биологическим существом; 2) человек противопоставляется животному; 3) человек представляет свой род, вид 4) человек является личностью. Формат данной статьи не позволяет подробно останавливаться на каждом из них, поэтому рассмотрим три авторитетных издания XIX, XX, XXI веков, что, на наш взгляд, даст возможность увидеть те изменения, которые произошли в восприятии, понимании и толковании слова за достаточно длительное время в сознании носителей языка.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даль дает следующее определение слова «человек»: «каждый из людей; высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесной речью». Но кроме этого, для нашего исследования очень интересны рассуждения, которыми Даль иллюстрирует свое толкование. По его мнению, существует несколько уровней человечности. В человеке, имеющем животные инстинкты, рассудок и волю, вечно спорят сердце и разум, и если бы человеческий разум и воля находились в гармонии, то человек мог быть счастлив, но не допущен в Царство Божие. Если человек живет только желаниями тела, он не отличается от животного, если человек живет лишь по гражданским законам, не думая о душе, он подвержен искушениям и мертвый не отличается от живого. Духовный же человек стремится сохранить душу, жить по совести, не поддаваться искушениям и достичь вечной жизни в Царствии Божием. И каждого из этих уровней развития человек может достичь при наличии желания и воли [4, с. 588].

Согласно «Словарю русского языка» С. И. Ожегова человек – это «живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда» [8, с. 763].

В «Комплексном словаре русского языка» человек (о мужчине и женщине) – живое существо, которое обладает мышлением, речью, способностью создавать орудия труда и пользоваться ими, а также отдельная личность [12, с. 1195].

Как видим, из современных, близких нам по времени изданий полностью исчезает «духовная составляющая» значения данного слова, но, в отличие от XIX и XX веков, в XXI веке дается пояснение, что это слово называет и мужчину, и женщину и, кроме этого, добавляется значение «отдельная личность», чего не было в словаре XX века. Обладание «свободной волей», которое присуще человеку согласно толкованию В. И. Даля, в XX и XXI веках словаря как составляющую понятия «человек» не фиксируют.

Рис. 1

Мы не можем исключить из ядра концепта «человек» очень важный и древнейший элемент – наличие души. Эта составляющая зафиксирована в Библии – книге, которая определяла и формировала развитие всей современной европейской цивилизации и, на наш взгляд, является центром ядра концепта *человек*: «Быт. 1:26 И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. Быт. 1:27 И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» [1, с. 6]. «Быт. 2:7 И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» [Там же].

Таким образом, если мы попытаемся схематически изобразить ядро концепта «человек», оно будет выглядеть следующим образом (Рис. 1): в центре ядра помещены древнейшие составляющие: душа, разум, свободная воля, к периферии ядра отнесены обладание речью и способность к созданию орудий труда. Автор статьи понимает, что данная схема является дискуссионной, но этой дискуссии не одна сотня лет, и лежит она в области философии, в противоборстве идеалистического и материалистического взглядов на бытие. Но, как было уже сказано выше, мы не можем обойти вниманием древнейшее библейское понимание человека. В научной же картине мира человек считается уникальным живым существом, наделенным даром мышления и речью, он существует в обществе, и труд является важнейшим условием его существования. А представление о человеке как носителе высоких моральных качеств относится к периферии концепта *человек* [9, с. 14]. И схематично это можно выразить так (Рис. 2):

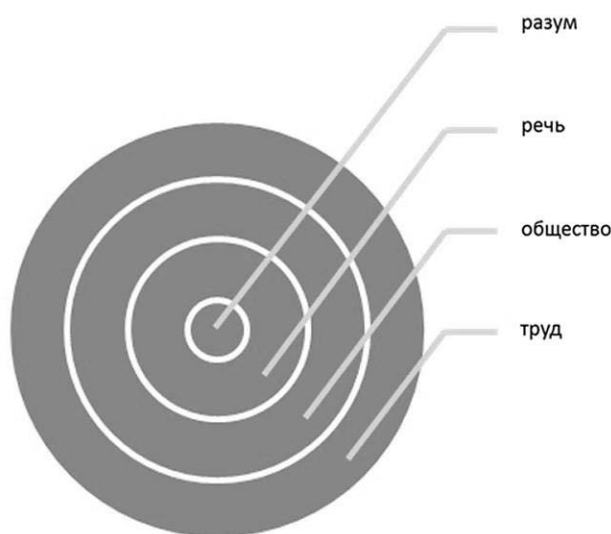

Рис. 2

При анализе художественного произведения необходимо помнить, что литературный концепт обладает «диалогической коммуникативной природой» [2, с. 18], так как в его создании принимает участие не только автор произведения, но и читатель, который обладает собственным жизненным опытом, знаниями и воображением.

В данной статье мы постараемся учитывать не только культурологическое и лингвистическое понимание интересующего нас концепта, но и концепт как категорию литературоведения. Вслед за Н. В. Володиной мы принимаем, что концепт в литературе представляет собой «смысловую структуру, воплощенную в устойчивых образах, повторяющуюся в границах определенного литературного ряда (в произведении, творчестве писателя, литературном направлении, периоде, национальной литературе), обладающую культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» [Там же, с. 19].

Рассматривая концепт «человек», личность, Ю. А. Степанов отмечает: «В культуре нет ни “чисто материальных”, ни “чисто духовных” явлений; предмет как предмет культуры создается и своей материальной предметностью, и своим отношением к другим предметам <...> предметы “параметризуются” в зависимости от того ряда, к которому их относят или в отношении к которому их рассматривают. Чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше у него “параметров”, тем больше он параметризован.

Человек занимает здесь вершинное место: ничто так не параметризовано, как человек. Сотни, если не тысячи, слов в каждом языке – это названия одного и того же – “человека”, но в зависимости от его разных “параметров» [11, с. 717]. Ю. А. Степанов считает, что в параметризации человека во всех языках есть три основных аспекта, которые имеют свои собственные, особые формы выражения. Это «человек в отношении к «Миру», а тем самым в том же самом отношении к «Богу», а также к животным. Человек в отношении к себе подобным, к своему роду, клану, племени, вообще в отношении к «своим» и «чужим». Человек в отношении к обществу [Там же, с. 718]. Схематично это можно выразить в нескольких оппозициях (Рис. 3).

Обратимся теперь собственно к роману Захара Прилепина «Обитель», который вышел в 2015 г. [10]. Его действие происходит в лагере на Соловках в конце 20-х годов XX века. Главный герой Артем Горяинов оказался в заключении за убийство отца. Именно глазами Артема мы видим его судьбу и судьбы других персонажей, где каждый является одновременно и палачом, и жертвой.

Рис. 3

Формат данной работы не позволяет проанализировать все слова и словосочетания в романе, содержащие сему человек: монах, женщина, всадник, собеседник, ягодник, конвой, эти, с черными околышами, лягавый, леопард, начальник, отец, дед, девка, аристократия, дураки, без пяти минут святые, дневальный, чеченец, поэт, заключенный, милиционер, уголовник, рецидивист, казак, поляк, китаец, детина, атаман, красные, офицер, денщик, мужик, фельетонист, беспризорник, женщина, грузчик, десятник, нарядчик, начальство, комвзвода, городской, спец, мастер, студент, собиратель, зэки-развозчики, товарищ, вор, оперетка, блатной, мамочка, жена, мать, тетка, остолоп, кретин, мама, брат, ударник, ротный, чекист, отщепенец, мазурик, филон, негодяй, певчий, артист, бедолага, родаки, фабричные, большаки, инвалиды, праведник, рептилия, священник, каэр, эсдэк, эсэр, анархист, ксендз, фитиль, стукач, ящер, сиделец, капитан, консул, жена, грузинка, красавица и др. – всего методом сплошной выборки было выявлено 548 лексических единиц. Отметим лишь, что все слова, которые входят в книгу первую, книгу вторую, дневник Галины Кучеренко, эпилог, исключая «От автора», «Послесловие» и «Некоторые примечания», делятся на две большие группы: лагерники и тюремщики. Лагерники – самая большая лексико-семантическая группа, внутри которой наибольшее число подгрупп. Подгруппы, в свою очередь, делятся на группы в соответствии с теми или иными параметрами заключенных: этнической принадлежностью, социальным статусом, профессиональной деятельностью и родом занятий, родом криминальной деятельности, родственными отношениями, политической принадлежностью, состоянием физического и психического здоровья и др.

Мы остановимся на содержании ядра концепта человек, рассмотрев лексику человек.

Всего лексема человек встречается в романе 264 раза и 71 раз форма множественного числа люди.

Наименование человека как представителя своего биологического вида относится и к мужчинам, и к женщинам, но встречается в тексте всего дважды: *Тогда Крапин <...> застрелил там несколько человек, включая женщину и одного советского административного работника...* [Там же, с. 108]; *К закутку, где он плескался, спешно подошли два человека – мужчина и женщина...* [Там же, с. 577].

С числительными и неопределенными местоимениями лексема человек встречается 48 раз. Здесь реализуется значение «персона», если бы это были неодушевленные предметы, их бы посчитали как штуки: несколько человек – *несколько штук*, тридцать человек – *тридцать штук*, человек семь – *штука семь* и т.д., человек как бы перестает быть человеком, становится вещью. Своего апогея этот процесс овеществления человека достигает в изоляторе, когда люди укладываются в штабеля, чтобы не замерзнуть насмерть: *Иоанн предложил настелить доски с нар на полы и улечься штабелем...* [Там же, с. 516].

В тексте «Обитатели» активно реализуется процесс отождествления человека и скотины / скота – 29 употреблений.

Скот, скотина, по словарю В. И. Даля, – «общее название домашних, хозяйственных животных <...> бранно подобный скоту человек» [4, с. 205]. Тут же находим пословицы и поговорки, содержащие лексему «скотина», среди них есть и такие, в которых отражается заложенное в сознании русского народа понимание того, что животное бывает подчас лучше, чем человек, а человек может быть хуже животного: *Всякий скот Божья тварь, а иной человек от дьявола; Скотина греха не знает; Лицом детина, да разумом скотина* [Там же, с. 206].

В словаре С. И. Ожегова слова *скот* и *скотина* даны в разных словарных статьях, имеют различные оттенки значения, но практически совпадают во втором переносном значении: *скот* 1. Сельскохозяйственные млекопитающие животные. 2. Грубый, подлый человек (прост. бран.); *скотина* [8, с. 630]. Как видим, лексема *скотина* во втором значении становится не только просторечной и бранной, но и приобретает презрительный оттенок.

«Комплексный словарь русского языка» объединяет обе лексемы в одну словарную статью как синонимы с пометкой *разговорное* к слову «скотина» и дает только одно их значение: четвероногие домашние сельскохозяйственные животные. Бранное значение не указывается [12, с. 967].

В своем прямом значении как наименование сельскохозяйственных животных слово *скотина* (и производные от него) употребляется в романе 6 раз, например: *Скотный двор тут будет, – сказал конвойный хмуро...* [10, с. 33]; *Там со времен игумена Филиппа, подальше от монастыря, разводили скотину* [Там же, с. 257]. В условиях Соловецкого лагеря человек быстро превращается в скотину, достойную лишь презрения и отворачивания. По крайней мере, именно с таким отношением Артема к окружающим и к самому себе мы сталкиваемся буквально с первых страниц романа. Заключенные теряют способность или их лишают возможности

чувствовать себя людьми на физиологическом уровне: люди голодны, грязны и напуганы: *...немытая человеческая мерзость, грязное, изношенное мясо; никакой скот так не пахнет, как человек и живущие на нем насекомые* [Там же, с. 20]; *«Человек – живучая скотина», – думал Артем по дороге на баланы.* [Там же, с. 85].

Кроме того, при отождествлении человека и скотины реализуется одна из основных оппозиций параметризации концепта *человек*: свой – чужой, когда люди искусственным образом поделены на две группы: заключенные и надзиратели. Они вынуждены принимать эти условия, существовать в них, так как прекрасно осознают, что по-настоящему своих в лагере не существует. Надзиратели не считают заключенных людьми, оправдывая свою жестокость: *Тот матерился, что урок не сделан по вине ленивой и медленной скотины – лагерников* [Там же, с. 81]; *– А вертайся в церкву, там тепло, – оскалил кривые зубы красноармеец <...> он давно уверил себя в своей силе и праве считать лагерников за тупой скот, который и ответить находчиво не сможет* [Там же, с. 573]. Заключенные не видят в надзирателях людей, так как тюремщики проявляют в отношении к ним исключительно бесчеловечную, ничем не оправданную, поощряемую жестокость: *Да ему просто скучно с этими красноармейскими скотами – а большинство из них скоты <...> Потому что Эйхманис куда больший скот, чем все вы, вместе взятые...* [Там же, с. 361]; *Артем со скуки – и чтобы позлить человеческую скотину – мерил камеру по диагонали взад-вперед* [Там же, с. 668].

Человеку присуще обладание бессмертной душой, которая является центром ядра концепта *человек* в религиозной картине мира, и слово «душа» употребляется в тексте 74 раза. Лагерники, низведенные до уровня животного существования, когда главной целью становится выживание, не лишают себя души, но те, кто их охраняет, души лишены, они уже даже не скоты: *Внутри раздавались тягостные женские стоны, как будто каждую крыл не мужской человек, а черт...* [Там же, с. 474].

По данным «Национальной энциклопедической службы» существует 29 определений термина *душа*. Приведем некоторые толкования, начав с более поздних, близких нам по времени: 1. Внутренний психический мир человека, его мысли, чувства, настроения; 2. Характер человека; человек с теми или иными свойствами характера; 3. Вдохновитель, руководитель, организатор чего-л. [12, с. 248]; 1. Внутренний, психический мир человека, его сознание; 2. То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами; 3 перен. Вдохновитель чего-н., главное лицо; 4. о человеке (обычно в устойчивых сочетаниях); 5. В старину крепостной крестьянин [8, с. 157-158]; Бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волей; в общем знач. человек с духом и телом; в более тесном: | человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: | жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от духа, в этом смысле говорится, что и у животных есть душа | в знач. человек иногда люди обоего пола, либо только мужского | душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство [3, с. 504].

Что же происходит с душой на страницах романа «Обитель»?

Душа в романе, может выполнять какие-либо действия: *душа надорвется, душа ожила, полетела человеческая душа, душа его молила, чтоб душа покойного не могла выйти, душа не должна выйти, душа сама себе вставила кольцо в губу, душа стекла, душа твоя легко и безошибочно вела тебя, душа саднит и трепещет, душа гниет, душа обретала вес шелка* – 13 употреблений.

Душа может стать объектом воздействия: *душу – выпускают из лабиринта, доброе дело сберегло мою душу, теперь душа моя в цветах, и ее цекочут кузнечики, не показывай душу, что-то качнулось в душе, ни души, ни сердца он в это не вкладывал, любяй ю душу свою – погубит, а ненавидяй ю душу свою – обрящет, душу убить не сможет, и душу, и тело погубить в геенне, разросся душой, сорвать душу, в душе его, как в том пианино, образовалась дыра, в самую душу нападает снег, не пробило в душе Артема еще одной черной дыры, поместить свою душу в геенну огненную, и можно поймать куполом колокольчика человеческую душу, чистоту души надо стеречь и охранять* – 18 употреблений.

Душа может находиться в каком-либо состоянии, выражать отношение к кому-то, чему-то или к какому-либо действию, поступку или бездействию: *душа с бодуна, было тепло на душе, души не чаял, жутко на душе, такой трепет, хорошо на душе, поймешь всей душой, было еще дурней на душе и раздражительней, так легко на душе, так славно, стало чуть забавней на душе, от души захохотал, так хорошо и страшно было на душе, и волнительно, и бесстыдно, на душе было несколько противно, на душе уже становилось теплее и будто бы чище, привирает – от всей души, закрепили, от души промерзнув, били от души, на душе было тупо, было тепло на душе, на душе становилось удивительно, на душе было не очень хорошо, от души прокашлялся* – 24 употребления.

Прилепин на страницах романа употребляет слово *душа* всего с несколькими прилагательными: словосочетание *человеческая душа* встречается 5 раз, а словосочетания *упокоенная душа, бессмертная душа, ампутированная душа* – по одному разу.

На наш взгляд, приведенные примеры свидетельствуют о функционировании души как центральной части ядра концепта *человек* в соответствии с религиозной картиной мира и библейской традицией, отражение которых мы видим в словаре В. И. Даля [Там же, с. 504] и которое активно реализуется в романе.

Как мы помним, согласно и идеалистическим, и материалистическим взглядам на природу человека, обязательными составляющими ядра данного концепта является ум (разум) – способность к мышлению. Лексемы *ум* и *разум* встречаются в тексте по три раза: (в первом примере встречаются оба слова *ум, разум*) *Был смех, но не было сарказма. Был ум, но была и природа... И что теперь? – Ничего, – эхом, неожиданно обретшим разум, ответил Артем* [10, с. 325]; *Не то чтоб в элементарной драке, а в каком-то другом поединке, где было бы задействовано все: и штык, и дерзость, и ум, и сумрачное прошлое каждого из них* [Там же, с. 430]; *– Речи их пагубны, слышать их – позорить свои уши и засорять ум! Бегите их слов!* [Там же, с. 557]; *Ночью*

похолодало: *Артем, как и почти все в изоляторе, спал в несколько заходов: за час-другой замерзал так, что мутился разум* [Там же, с. 325]; *Холод же был страшнее и Ткачука, и Горшкова – про холод нельзя было пошутить, разум отказывался видеть в этом хоть что-то забавное, мир вокруг больше не ждал никаких ответов и надежд не оставлял* [Там же, с. 504].

Человеческая способность к мышлению оказывается в прошлом, об этом свидетельствуют глаголы, употребленные в форме прошедшего времени. Разум здесь не востребован, так как отсутствуют физические условия для того, чтобы мыслить. Он подменяется благоразумием (5), которое в контексте произведения видится как чувство самосохранения, инстинкт выживания, присущие всему живому на земле: *благоразумно решил убежать, благоразумно не трогал, благоразумно решил не вспоминать, благоразумно не нашелся, благоразумно держались поодаль*. Разумно вести себя может и крыса: *Крыса разумно управлялась с угощением: что-то съела, остальное унесла* [Там же, с. 664], что опять же ставит человека в один ряд с животными или, по крайней мере, не выделяет его из мира животных.

Человеку присущи свободная воля и свобода выбора. Могут ли реализоваться эти качества в условиях заключения, физической несвободы? Из уст героя романа Крапина мы слышим: – *Свобода выбора, которой Вселогосподь нас одарил, – дар самый главный, – нашептывал ему Василий Петрович, – Я всегда про эту свободу знал, она лежала во внутреннем кармане у меня, – он тронул рукой свою грудь, прижимая незримый пакет...* [Там же, с. 536]. Именно свобода выбора делает человека человеком, а не свобода от запретов, не вседозволенность, с которой ведут себя герои романа: *Ступив на землю, почувствовал себя, как сбежавший из клетки зверь – воля, и нет больше ничего* [Там же, с. 443]; *Тут ни колоколов, ни гудков – здесь свобода, равенство и туннельность!* [Там же, с. 428]; *Внутри сердца была неслыханная свобода* [Там же, с. 665]; *Мир за пределами соловецких валунов ему не известен, и если бы ему приснилась свобода, она была бы похожа на осеннее ледяное море – у свободы не было предела и не было жалости, она была голой и пустой* [Там же, с. 687].

Человек социален, ему необходимо находиться в обществе и трудиться. Но в романе для того, чтобы выжить, человеку необходимо быть одному. При анализе концептуального поля свой – чужой, мы видим, что своих в условиях лагеря, в условиях физической несвободы не существует. Оппозиция лагерники – надзиратели трансформируется в оппозицию жертвы – палачи. Но при этом каждая жертва была палачом. И внутри каждой из этих групп своих тоже нет, сотрудники лагеря в любой момент могут оказаться в роли заключенных, а среди заключенных нельзя доверять никому, так как каждый выживает, как может, и именно выживание становится единственной целью. Общество отвергло людей, они находятся в изоляции, поэтому и концептуальное поле человек – общество оказывается нереализованным. Единственной активной оппозицией концептуального поля человек являются взаимоотношения человека с миром – Богом. И не случайно Прилепин заканчивает совой роман фразой: *Человек темен и страшен, но мир человечен и тепел* [Там же, с. 746].

Можно утверждать, что в романе «Обитель» в буквальном смысле и в полной мере реализуется понимание сути человека, данное В. И. Далем еще в XIX веке. Ведь в данном произведении ядром концепта «человек» является душа, без души человек становится зверем (не животным, животным не присуща жестокость), нечеловеком без каких-либо внутренних ограничений, реализующим самые низменные инстинкты, подстегиваемые вседозволенностью. А такие понятия, как «разум», «свободная воля», «социальность», «способность к труду», выходят за рамки ядра концепта человек и перемещаются на периферию концептуального поля.

И если изначально у главного героя возникает ощущение, что жить без души легче: – *Здесь все понемногу звереют, – еще помолчав, сказал Василий Петрович. – Страшно – душа ведь. Артем подумал и ответил очень твердо: – Наплевать. Психика* [Там же, с. 151], потому что там, где он находится человек человеку – баланс [Там же, с. 97], то после всего пережитого, при всем ощущении оставленности человек пытается сохранить душу, сохранить Бога в душе или найти его. И это становится его главной целью. Находясь в камере после неудачного побега, Артем говорит себе: *в меня возвращается человек – я так и не озверел* [Там же, с. 679]. Он связывает это с тем, что он сделал доброе дело, спас иностранцев, и это помогло ему сохранить душу – остаться человеком. Что еще раз подтверждает, что в романе «Обитель» ядром концепта «человек» является наличие души, ни разум, ни речь, ни труд, ни свобода не сделают тебя человеком, если ты отрицаешь само ее существование.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Минск: Белорусский Экзархат Московского Патриархата, 2013. 1519 с.
2. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения: монография. М.: Флинта: Наука, 2016. 256 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1998. Т. 1. 699 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1998. Т. 4. 688 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 296 с.
7. Национальная энциклопедическая служба [Электронный ресурс]. URL: terme.ru/termin/chelovek.html (дата обращения: 13.09.2016).
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд-е 18-е. М.: Русский язык, 1986. 797 с.
9. Пашина А. В. Концепт «человек» в сказках И. М. Ермакова: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2006. 25 с.
10. Прилепин З. Обитель: роман / редакция Е. Шубиной. М.: АСТ, 2015. 746 с.
11. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
12. Тихонов А. Н., Тихонова Е. Н., Тихонов С. А., Чупашева О. М., Зуева М. Ю. Комплексный словарь русского языка / под ред. А. Н. Тихонова. М.: Русский язык – Медиа, 2005. XVI+1228 [4] с.

THE CONCEPT “MAN” IN THE NOVEL “ABODE” BY ZAKHAR PRILEPIN

Ivanova Irina Sergeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tambov State Technical University
Iveeral@yandex.ru

The article undertakes an attempt to analyze the concept “man” in the novel “Abode” by Z. Prilepin. The paper pays particular attention to the lexeme “man” as such, and analyzes the core and the main parameterized oppositions of this concept in the literary work under study. The analysis concludes that the core of the concept “man” in the novel “Abode” is the soul, and such notions as “mind”, “will”, “speech”, “ability to work” go beyond the scope of the core to the periphery of this concept. A main aspect of human parameterization is his relationship with the World (God).

Key words and phrases: Z. Prilepin; “Abode”; concept; core of concept; parameterization of concept “man”; conceptual analysis; literary text.

УДК 8

В данной статье рассматриваются формы ирреалиса, связанные с инфинитивом лакского языка. Лакский ирреалис по своей сути и способу образования представляет собой будущее в прошедшем. Не все его формы представлены в работах исследователей лакского языка. Мы выделили три формы ирреалиса: Условное I, Условное II, Условное III. В данной статье мы подробно разберем только одну из форм – Условное I. Условное I образуется не от инфинитива, а от потенциалиса. Потенциалис, в свою очередь, образуется от основы инфинитива при помощи определенных личных аффиксов.

Ключевые слова и фразы: лакский язык; ирреалис; эпистемистическая модальность; Условное I; Условное II; Условное III; инфинитив; парадигма.

Каллаева Людмила Тахировна

Дагестанский государственный педагогический университет
kallaeval@mail.ru

ИНФИНИТИВ И ФОРМЫ СЕРИИ ИРРЕАЛИСА

В типологических исследованиях по дагестанским языкам, в частности по цахурскому языку, отмечается, что **эпистемическая модальность**, характеризующая точку зрения говорящего на истинность пропозиции, образует следующее трехчленное противопоставление:

- **реальная** модальность: говорящий утверждает, что описываемая ситуация имеет место в актуальном мире (‘Р имеет место’);
- **контрафактическая** модальность: говорящий утверждает, что описываемая ситуация не имеет места в актуальном мире (‘Р не имеет места’);
- **гипотетическая** модальность: говорящий допускает возможность обеих альтернатив (‘возможно Р или не-Р’).

Все три модальности в цахурском языке выражаются грамматически, и категория наклонения, тем самым, имеет три значения – **реальное** наклонение (реальная модальность); **потенциальное** наклонение (гипотетическая модальность) и **ирреальное** наклонение (контрафактическая модальность) [3]. Так же обстоит дело и в лакском языке, но гипотетическая модальность здесь обозначается двумя наклонениями: потенциальным и гипотетическим [4].

В работе «Элементы цахурского языка в типологическом освещении» [3] выделены четыре формы ирреальной серии: ирреалис, кондиционалис, ирреальный императив и ирреальный юссив. В лакском языке с инфинитивом связаны формы ирреалиса, которые и рассматриваются в рамках нашего исследования.

Контекстом, наиболее характерным для форм ирреалиса, является условная конструкция, которая представляет собой сложноподчинённое предложение. Зависимая часть представляет собой условие (протасис) и оформляется условным конвербом. В главной части (аподосисе) сказуемое оформляется спрягаемой формой, выражающей ирреальную модальность – ирреалисом. В работах исследователей лакского языка представлены не все формы ирреалиса. Эти формы обозначаются у различных авторов по-разному. В работах Г. Т. Бурчуладзе употребляется термин «условное наклонение», у Р. Г. Эльдаровой встречаем термин «согласительное наклонение». Удобным для употребления и более точно выражающим семантику форм представляется термин «ирреалис», которым мы пользуемся в данной работе.

Лакский ирреалис по своей сути и способу образования представляет собой будущее в прошедшем. Его формы образуются так же, как и Будущее II, и Будущее III, различаясь только предикативными аффиксами: в формах будущих времён использованы личные аффиксы настоящего времени **-ра, -ру, -р(и)**, а в формах ирреалиса – личные аффиксы прошедшего времени: **-ав /-яв** (1, 2 л.) и **-а, -я** (3 л.). Число в личных аффиксах прошедшего времени не маркируется.